

МАРГАРЕТ АСТЕР

ЗАКОН
БЛАГОДАРНОСТИ
Ведьма

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Астер, Маргарет.

А91 Закон Благодарности. Ведьма / Маргарет Астер. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-184385-4

Не жалуют ведьм в славном и могучем королевстве Бранд-горд!

Девятнадцатилетней травнице Мариэль, ученице болотной ведьмы, долго удаётся скрывать свой магический дар. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Спасая жизнь маленькой девочке, Эль случайно раскрывает свой секрет и попадает на эшафот. Таинственный аристократ выручает её из беды, но теперь, следуя Закону Благодарности, она должна отплатить ему за услугу. Девушка оказывается втянутой в дворцовые интриги и заговор по свержению власти. Удастся ли ей выбраться из заварушки живой и как во всём этом замешан говорящий рыжий кот?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184385-4

© Астер М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

В лесу было полно ловушек — от хитроумных силков с сетями до зубастых капканов. За утро я обезвредила уже десяток, но меньше их не становилось.

Могу понять деревенских, тут всё просто: поймал — поел, не поймал — голод. Но богачей, охотящихся ради забавы, я бы с удовольствием заманила в их собственные ловушки и понаблюдала, как им это понравится.

Я выругалась, чуть не наступив в прикрытый листовой силком. Куда ни ткнишь — везде западня. Значит, на охоту вышел кто-то из знати и ловчие стараются, чтоб никто из господ не уехал без трофея.

На стволе осины справа мелькнул красный флажок, я поспешила туда. Веревка с алыми лоскутами была натянута по всей окружности поляны аж в два ряда: первый на высоте одного локтя от земли, второй на высоте двух. Значит, расчет был и на змееволка, и на огнехвостых лисиц. Никак герцог пожаловал? Даже граф и барон не охотились с таким размахом. Похоже, решили выловить всех — от крупных хищников до грызунов. Я прошла вдоль веревки длиной не меньше десятка локтей, разрезая её и срывая флажки. Круг разомкнул, теперь звери смогут уйти от облавы.

В этой части леса живет стая змееволоков и полсотни огнехвосток, дальше в чащу охотники не сунутся. Стрелки будут ждать с подветренной стороны. Я об-

лизнула палец и подняла его над головой. Ветер с юга, значит, и загонщики там. Теперь понятно, почему вокруг столько капканов — хитрецы решили облегчить себе задачу. Им на руку, что многие звери попадут в ловушки, изранятся и вымотаются. Если хищники прибегут в западню напуганными, но в целости и сохранности, от стрелков и гончих с загонщиками останется фарш да горстка дымящегося праха. Одни только лисицы способны спалить дотла целый вооруженный отряд. Перед глазами нарисовалась сцена бесславного побоища: разъяренные огнехвостки с пламенеющей шерстью и снопами искр из глаз, шипящие змееволки в боевых стойках и орущие от ужаса охотники. Тут я невольно улыбнулась кровожадным мыслям.

Я им ещё одолжение сделала, разрезав веревки, даже обидно стало... самую малость. Жаль, что сегодня я разоспалась и пошла за травами позже обычного — все ловушки сломать не получится. Лишь бы успеть вывести из строя стальные челюсти капканов до начала травли! С сетями можно разобраться по ходу, когда поднимется суматоха.

Лес ещё не проснулся и казался мирным и спокойным. Солнечные лучи проникали сквозь редящую листву и рассыпались причудливыми тенями на пестром осеннем подлеске. Роса просохла, но было ещё прохладно. Плотнее закутавшись в плащ, я в который раз пожалела, что он едва доходит до колен. Но теплом приходилось жертвовать ради удобства. Ткань постоянно цеплялась за ветки и повисала рваными клочьями, пришлось обрезать бахрому.

Вдруг совсем рядом слева послышался собачий лай. Началось!

Перспектива встретиться нос к носу с некормленными перед охотой обозленными гончими не радовала. Я рванулась в сторону, подальше с дороги приравшиков. Хруст ветвей и гомон позади хлестко гнали вперед. На ходу подбирая юбку, впервые порадовалась, что укоротила плащ. Приходилось на скорости петлять между деревьями и кустами. Я понадеялась, что смогу оторваться. Листья предательски зашуршали. Я глянула вниз — хлоп! — ветка дерева распрямилась. Петля силка затянулась вокруг ноги.

— Жабья подмышка, драконья отрыжка! Ну повезло! — выругалась я.

Стая черных дроздов с пронзительным писком прочертила острыми крыльями верхушки деревьев. Это конец!

Веревка толстая, с расчетом на крупную добычу. Чтоб перерезать такую моим маленьким позолоченным серпом, потребуется минут десять. Столько у меня нет!

— Мать всего сущего, не оставь меня!

Дрожащими руками вцепилась в узел, но он не поддался. Озябшие пальцы не слушались, я поднесла их ко рту. Вдох, выдох! Замешкаюсь — на меня выскочит стая хищников, на мой страх налетят гончие. Ну же! Так. Спокойно. Вдох. Выдох. Вот, так лучше. Хватит трепыхаться, так только узел на ноге затягивается. Ненавижу беспомощность! Только не плакать, не плакать! Я аккуратно протянула руки и медленно начала распутывать канат. Гвалт охоты приблизился, но, кажется, сместился вправо.

— О Великая! Может быть, пронесет?

Силок ослабил хватку, и я рьяно взялась за дело.

— Ещё немного!

Я рывком вытянула ногу из западни и отпустила край веревки. В тот же миг ветка, к которой крепилась ловушка, с шумом распрямилась. Я взвизгнула от радости, но мой торжествующий крик смешался с жалобным воплем по ту сторону ствола. Послышался глухой удар, словно с телеги повалился мешок с брюквой.

Я чуть было не дала стрекача, но сдавленный стон заставил остановиться. Отцепив от пояса серп, я вытащила его из ножен. Какое-никакое, а оружие. Мелкими шагами с опаской обойдя дерево, я увидела лежащего плашмя мужчину. Хм-м-м, судя по ткани охотничьего костюма и выделке кожи сапог — из знати, причем самой высокопоставленной. Он больше не стонал, подняться не пытался. Я обошла незадачливого охотника. По виску мужчины текла тонкая алая струйка. Наверное, злополучная ветка, к которой крепился силок, разогнувшись, с размаху приложила его по голове.

Ха, поделом титулованному кровопийце! А еще говорят, что судьба несправедлива. Я решительно развернулась, чтобы уйти, но какая-то неведомая сила не давала сдвинуться с места. Замерев с занесенной над тропинкой ногой, я крутанулась на пятке и шагнула к сановнику. Наверняка мне придется пожалеть об этом, но это будет потом... Развернула его к себе лицом. Ого! И почему в нашей деревне не водятся такие красавчики? Вельможа оказался моложе, чем представлялось, — я бы не дала ему больше двадцати лет. Удивительно, но его кожа не отличалась такой бледностью, как у виденных мной раньше высокородных. Её золотистый оттенок приятно оттеняли темно-каштановые волосы. И только отхлынувшая от лица кровь говорила о том, что юноша не задремал на привале

в лесу, а получил увесистую оплеуху веткой и, кажется, готовится уйти к праотцам. Тяжело вздохнув, я нащупала в поясной сумке маленькую склянку с лечебным отваром.

Если бы такая бутылочка оказалась со мной в тот вечер, когда... но нет! Здесь и сейчас, жить здесь и сейчас! — напомнила я себе и сжала зубы. Тут человек умирает, это поважнее старых ран.

Присев на землю, положила голову вельможи к себе на колени, а то вдобавок ко всему поперхнется, только отвар зря потрачу. Я расстегнула тугой ворот охотничьего камзола и чуть не отдернула руку. С лацканов рубашки на меня уставились две симметричные виверны, вышитые золотыми нитями. Расшивка была настолько искусной, что твари казались живыми и злобно скалили чешуйчатые морды, словно хотели впиться мне в руку. Уж насколько я люблю животных, но этих крылатых ящериц на дух не переношу. И то, что они украшают собой герб Брандгорда, приязни не добавляет. Так, значит, мальчишка принадлежит к династии Юнбрендов. Неужели сын герцога? А может, один из королевских бастардов, о которых так любят сплетничать прачки на реке.

Соблазн был очень велик, но я не решилась бросить молодого аристократа в лесу на верную смерть. В чертах его лица не было ничего злого или отталкивающего. Разве что по-детски пухлый рот казался капризным, но разве это так уж грешно?

Зубами вытащив пробку из склянки, я аккуратно разомкнула полные губы юноши и замерла от промелькнувшей мысли: «А благодарность?» Осознание сковало словно вериги. Если я спасу его, нарушится равнове-

сие — один из древнейших законов вселенной — Закон Благодарности. Если вельможа не поблагодарит меня за помощь, то Великая Мать в справедливости своей заберет что-то у него и отдаст мне. Это мы уже проходили! Непрошенные вознаграждения, как и незнакомые амулеты, — вещь опасная, а желания просить плату за исцеление, когда знатный молодчик очнется, у меня не было. Из замешательства меня вырвал протяжный стон. Ещё немного, и думать будет не о чем. Одним движением я опрокинула бутылочку с горьким, но живительным отваром в рот юноши, зашептала заученные слова заговора и приложила ладонь к ране на его голове. Рука чуть заметно засветилась, вокруг закружились крошечные золотистые огоньки. Словно летающие в воздухе пылинки, попавшие в луч яркого света! Края раны побледнели и медленно стали стягиваться.

Прошло несколько секунд, в которые я, кажется, забывала дышать. Ну, давай! Давай же! Раненый не шелохнулся. Я успела наградить свою медлительность парой крепких выражений, но тут сановник резко вдохнул, закашлялся и пришел в себя. Наши взгляды встретились. Его глаза расширились в изумлении, и юноша протянул дрожащую руку в кожаной перчатке к моему лицу. Я опасно отшатнулась, и голова вельможи сползла у меня с колен. Он ойкнул и зажмурился, потянувшись к ушибленному темечку. Что-то блеснуло на его правой руке. Вот оно! Моя награда. Сдернув надетый поверх перчатки перстень, я рывком поднялась и бросилась бежать, крикнув напоследок: «Квиты!»

Сердце колотилось с такой силой, что его удары оглушали. Остановиться я смогла, только пробежав

с полсотни локтей. Привалившись к дереву и слясь восстановить дыхание, покрутила в руках прикарманное кольцо. Ничего, авось не последнее. Хоть и не по своей воле, а отблагодарил, энергия уравновешена. Драгоценность поблескивала дорожками мелких камешков, рассыпанных по хребтам чеканных виверн. Снова ящерицы-переростки. И чего знати так нравятся эти злонравные, ядовитые падальщики? Почему бы не увековечить на гербе страны благородного дракона, раз уж так хочется чего-то эдакого, чешуйчатого? У них характер покруче, но хоть вид царственный. И нападают драконы в открытую, а не жалят исподтишка смертоносным колючим хвостом. Я с отвращением сплюнула в траву. Ну ладно, как-никак золото. Сойдет и с вивернами, всё равно в расход пушу или продам на ярмарке. Перстень я повесила на шнурок на шее, рядом с талисманом из черного кварца. С защитной магией амулета точно не потеряю.

Я побрела в сторону болота, стараясь держаться подальше от охоты. Шум отдалился к кромке леса. Птицы и мелкие зверьки начинали возвращаться в насиженные гнезда и норки. Судя по тому, что травлю быстро свернули, мне удалось изрядно подпортить знатым господам развлечение. Настроение понемногу улучшилось, и я даже стала насвистывать себе под нос прилипчивую детскую песенку. Вдруг кусты шевельнулись, и в паре шагов от меня на землю повалился крупный змееволк. Животное извивалось и билось, пытаясь стряхнуть капканы — по одному на задней и передней лапах. Мощный хвост в мелких серебристых чешуйках отбивал дробь по земле. Отсюда до охотничьих угодий было далеко. Выходит, несчаст-

ный зверь, не сумев выбраться из западни, проволок за собой стальные самоловы, лишь бы не попасться в руки охотникам. Хищник даже не скулил, стойко перенося боль. Его голова запрокинулась, и змееволк поймал мой взгляд. Я хотела было броситься наутек, но его глаза словно околдовывали. И я поняла — его уже не спасти... Вытащив свой маленький, но острый серп, подошла ближе. Зверь лежал тихо и только неотрывно наблюдал. Вознеся молитву Великой Матери, чтобы дух гордого и непокорного змееволка обрел покой в ином мире, я одним точным ударом прервала его мучения, обтерла окровавленное лезвие о траву и спрятала серп в ножны. Повинуясь неведомому порыву, палкой расцепила металлические челюсти капканов и отшвырнула их подальше.

Я пожалела, что спасла того знатного ублюдка. Жизнь за жизнь — вот что по-настоящему уравнило бы вселенную, а не какая-то блестящая безделушка. В сердцах сдернула с шеи веревку и бросила кольцо вслед за капканами.

На душе было гадко.

Глава 2

Дверной колокольчик мелодично звякнул, когда я вошла. Я видела такие всего несколько раз — в хижине Леэтель да в лавках в городе. Но если с магазином все ясно, там звон оповещает торговца о приходе покупателя, то зачем старуха повесила колокольчик у себя, я не понимала. В хижину на болоте уже лет десять точно не заглядывал никто, кроме меня. Селяне считали

чашобу проклятой, покосившийся домишко — зачарованным, а его престарелую обитательницу — ведьмой.

«В их опасениях есть доля правды», — усмехнулась я.

Меня не переставало удивлять то, что изнутри хижина выглядела гораздо просторнее, чем снаружи. В воздухе приятно пахло мятой, горькой полынью, зверобоем, кипреем и другими лекарственными травами. Под потолком висели сухие пучки, а на полках вдоль стен теснились баночки и бутылочки с мазями, отварами и зельями. Здесь всегда было чисто и сухо, что вблизи болота — настоящее чудо. Впрочем, это и было чудом, ведь огонь в очаге поддерживали не дрова, а магия хозяйки дома.

Старуха, дремавшая у окна, услышала звон колокольчика и повернулась к двери.

— А ты сегодня припозднилась, Эль! — ехидно усмехнулась Леэтель, но, увидев мое хмурое выражение лица, осеклась: — Что с тобой, девочка? — Старуха пылливо всматривалась в мое лицо.

Несколько мгновений я раздумывала, стоит ли рассказывать ей, но чувства перехлестнули через край:

— В лесу охотники... — у меня задрожал голос.

— Они пришли за нами?! — Старуха вскочила с места на удивление проворно для своих лет.

— Нет, это... просто охотники. Только сегодня их так много, как будто вся знать Брандгорда пожаловала. Обнесли флажками половину леса, да еще в два ряда, наставили ловушек и силков. — С каждым словом я распалаясь все сильнее. — По дороге сюда я наткнулась на матерого змееволка. Две его лапы попали в капканы, и я... Я прервала его мучения. — Горло сдавило от едва сдерживаемых рыданий.

Этель хмуро покачала головой и постучала по скамье рядом с собой. Я присела к ней, уткнулась в плечо старухи, покрытое шерстяным платком, и дала волю слезам.

— Рассказывай все, — в ее голосе послышалась сталь, воздух вокруг наэлектризовался и стал вязким, — станет легче.

Повинуясь магии слов болотницы, я начала в подробностях описывать сцены в лесу и едва успела остановиться, чтоб не проговориться о спасенном юноше. Леэтель становилась суровее с каждым моим словом, к концу рассказа ее седые брови почти сошлись к переносице:

— Флажки в два ряда, звероловов больше, чем зверей, с чего это такое внимание к лесу? — Старуха с закрытыми глазами растирала виски длинными корявыми пальцами.

— Может, граф или барон пожаловал? Хотя они уже бывали на охоте в наших краях, но такого я не припомню. — Мысли скакали, как блохи по шелудивой собаке.

Болотница прищурилась:

— Не к добру это. Вдруг кто-то донес местным аристократам, что ты в травницы подалась? Или, того хуже, до них дошли сплетни обо мне... Вынюхивают тут, прощупывают, а потом, глядишь, и ведьмоловы явятся.

— Не горячись, Этель! Это была обыкновенная охота. Просто очередного жадного до развлечений вельможу потянуло потешиться. Мальчишка с золотыми вивернами никак не тянул на ведьмолова. — Я слишком поздно поняла, что сболтнула лишнего, но старуха уже ухватилась за мои слова.

Она принялась буравить меня взглядом выцветших белесых глаз, двумя пальцами потирая подбородок с ведьминой отметиной. Как бы я ни старалась, выдержать этот испытующий взгляд было невозможно. Ей даже не потребовалось ни о чем расспрашивать. Я знала, что услышанное не понравится старице. Она на дух не переносила деревенских, а со знатью и вовсе имела личные счеты.

Вдаваться в подробности я не рисковала, да и не стала бы она рассказывать. Но за годы нашего знакомства по обрывкам случайных фраз я поняла, что именно аристократы согнали ее с насиженного места в городе и преследовали до самого леса. У старухи, растратившей магию за время бегства, не было ни шанса уйти живой. Леэтель угодила в болото, и предводитель ведьмолотов видел это. Он со свитой наблюдал, как убеленная сединой старица медленно погружалась в топь. То, что она тонула, по их мнению, было свидетельством невинности женщины. Вода как стихия чистоты не примет «нечистого человека». Но, как ни странно, они не поспешили на помощь, а оставили старуху на верную смерть — «в одиночестве дожидаться справедливого суда Богини». Ее спасло только мое появление. Тогда я как раз сбежала от очередного ремесленника, в подмастерья к которому меня пытался пристроить отец. Как же вовремя я стащила у своего несостоявшегося мастера веревку, чтоб сплести гамак! Услышав крик о помощи, я обмотала ее вокруг дерева — один конец бросила утопающей, а за второй тянула что есть мочи. Я вытащила старуху, проводила ее в пустующую хижину, помогла выжить и обустроиться в лесу. Мне было всего девять, я не задавала лишних вопросов

и тоже была беглянкой, это сблизило нас. Последние десять лет я оставалась единственной, кто навещал ее. А после смерти отца Этель стала для меня самым родным человеком, наставницей и другом. Я все реже возвращалась в родительский дом в деревне и все больше времени проводила у болотницы.

Глубоко вздохнув, я рассказала болотнице о спасенном юноше. Интерес в ее взгляде сменила холодная ярость. Я всерьез опасалась, что Этель обрушит свой гнев на мою и без того многострадальную голову, но она лишь сильнее насупилась.

— Ты ведь знаешь все, что я хочу сказать тебе, Эль? — с деланным спокойствием произнесла старуха.

Она поднялась гораздо медленнее, чем до того, словно груз прожитых лет с новой силой навалился на ее плечи. Болотница подошла к очагу, волшебный огонь в котором мерцал сине-зеленым светом. Она протянула руку, и пламя лизнуло ладонь. Теперь его языки медленно плясали между пальцами Этель, а она всматривалась в них, так и не поворачиваясь ко мне лицом.

— Помнишь ли ты, дитя мое, как обрела свой дар? — Голос ее звучал обманчиво ласково.

— Я получила дар из-за того, что был нарушен Закон Благодарности. Ты не смогла отплатить за помощь, и Богиня восстановила равновесие — отдала мне искру твоей магии.

От немощной на вид старицы исходила такая внутренняя сила, что воздух в хижине едва не искрился.

— Испытав такое, зная, что аристократы и их шакалы ведьмоловы сотворили со мной, ты излечила одного из них?!

Вначале она говорила почти шепотом, но к концу голос взметнулся так, что задрожали квадратики слюды в окнах. Старуха резко развернулась, ярость в ее глазах горела ярче пламени очага.

— Я соблюдаю великий Закон. Забрала то, что мне причиталось. Мы с ним в расчете. — Я отвела взгляд.

— Неужели? И что это? Какова цена его жизни? — вкрадчиво спросила она.

— Перстень. Золотой с чеканными гербовыми повернами. — Я неосознанно потянулась к шнурку на шее и покрутила в руке свой талисман — кристалл мориона.

Болотница подскочила так резко, что я невольно отпрянула.

— Покажи! Покажи мне! — взвизгнула она, хватая меня за руки.

— Не могу. Выбросила его в сердцах, после того как наткнулась на змееволка... — Я оторопела от ее напора.

Старуха так разъярилась, что на секунду показалось — ударит наотмашь! Но вместо этого Этель сухой и морщинистой рукой погладила меня по щеке.

— Извини, что отчитала. Тебе и так досталось сегодня...

В хижине внезапно потемнело. Огонь в очаге шипел и чадил, словно в него подбросили сырое полено. Всматриваясь в угасающее пламя, болотница продолжила:

— Ты все сделала верно! Конечно, продажа золотого кольца кормила бы нас всю зиму, но ты доказала — их грязными деньгами нас не купить.

— Да... Да! Я этого и хотела! — Помолчав немного, я добавила: — Кстати о продаже, послезавтра в городе

состоится праздник урожая, будет ярмарка. Я хотела отнести туда травяные сборы, настойки и мази. В прошлый раз их все раскупили еще до полудня. Если сделать побольше, нам и без перстня хватит заработанного до зимнего солнцестояния, а там новая ярмарка, — несмело протянула я.

Старица повернулась к полкам, уставленным баночками, и стала пересчитывать запасы.

— Осталось не так уж много всего. Часть ингредиентов у меня есть, но кое-чего не хватает. — Она задумчиво потерла подбородок. — Сегодня я, конечно, не погоню тебя в лес. Ты уже довольно натерпелась за день, но к утру составлю список. Если поторопимся, можем управиться в срок.

Я наспех соорудила обед. Добавила в тарелки с хлебкой по половинке вареного яйца, заправила сметаной и отрезала два ломтя от краюхи. Хлеб волшебным образом не черствел уже неделю, а сметана сохраняла свежесть еще с середины лета, когда незадачливый односельчанин расплатился со мной за притирку целой кринкой лакомства. За что я особенно любила заклинание заморозки, так это за то, что съестное под его действием могло храниться годами даже вне погреба.

После еды закипела работа. Основную часть всех ритуалов выполняла Этель, я была на подхвате. Пока я толкла в ступке сухие травы, она рассказывала об особенностях и свойствах каждого зелья и мази. Я любила такие моменты. Вся моя жизнь, все интересы сводились к этому лесу, его растениям, животным и искусству травничества.

Мы закончили за полночь. От усталости все тело стало ватным, не было сил даже разогреть запозда-

лый ужин. Я хотела было произнести для этого заклинание, но Этель одернула:

— Завтра Силы еще пригодятся, не растрачивай магию понапрасну. Ее запасы не бесконечны, а пополняются они медленно.

Пришлось давиться холодным овощным рагу. Оставив тарелки в тазу под рукомойником, я приплелась к лавке с настеленными одеялами и повалилась, даже не разуваясь.

Старуха села рядом, положила мою голову к себе на колени и принялась гладить по волосам.

— Ну вот, Эль, опять ты не сняла талисман перед сном, — сказала она, развязывая веревочку на моей шее, — а морион должен очиститься. Ты ведь знаешь, что черный кварц работает как губка и избавляет владельца от темного да дурного. А сегодня на твою долю выпало много всего.

Болотница поднялась, направилась к рукомойнику и подставила амулет под струю воды. Что-то нашептывая, она тщательно омыла кристалл со всех сторон. Я наблюдала за ее плавными движениями. Веки налились свинцом, все тело ныло, но сон не шел то ли из-за пережитого утром, то ли от сильной усталости.

— Этель, расскажи что-нибудь... — Голос звучал хрипло.

— Хорошо, — усмехнулась болотница. — Давным-давно, когда весь мир утопал во тьме, тьма была вселенной, а вселенная — тьмой, всемогущая Богиня варила в котле мироздания чудотворное зелье. Она танцевала вокруг котла, а вся наша земля была лишь камнем под ее ногами. Богиня мешала варево золотой ложкой, украшенной драгоценными камнями, и на-

распев читала заклинание созидания. Зелье с ложки капало вниз, но Богиня не замечала этого, увлеченная творением. Там, куда попадали капли, вырастали леса, разливались океаны, вздымались горы. Каждое слово, каждый звук в заклинании порождал животных, растений, насекомых и птиц, последним же появился человек. Богиня заметила, что содержимое котла расплескалось, и прервала заклинание. Но оно было настолько сильным, что обряд не смог остановиться сразу — котел забурлил, и на только что возникшую землю пролилась магия. Мать всего сущего не хотела наделять свои неразумные создания такой могучей Силой, но чтоб исправить ошибку, пришлось бы уничтожить все содеянное. Богиня сошла на землю в случайно сотворенный дивный сад и увидела, каким красивым и разнообразным получился мир. Возрадовалась она и всплеснула руками. Драгоценная ложка выскользнула из пальцев Богини и разбилась о горный хребет, оттого-то именно в горах чаще всего находят самоцветы и золото. Создательница не решилась разрушить прекрасный новый мир и вместо этого подарила людям, своим последним созданиям, разум, чтоб они могли собрать магию внутрь себя и использовать ее во благо. Мужчина и женщина, сливаясь воедино, способны сотворить величайшее чудо — саму жизнь. Но сосудом для этого торжества созидания является женщина, она накапливает Силу и становится источником ее. Запомни, девочка, мы — средоточие магии, подобно Великой Матери, так было с начала времен. Но мужчины уstraшились, что женщины — дарующие жизнь — превзойдут их в могуществе. Лаской и хитростью, с помощью клятв любви и верности уговорили

они своих возлюбленных стать жрицами Богини и все свое волшебство возложить на алтарь Великой Матери. Служительницы не могли больше использовать Силы вне храмов, а творящих чудеса в миру отступниц прозвали ведьмами. Мужчины объявили себя единовластными хозяевами Силы — магами. Их прислужники — ведьмоловы — преследуют наших сестер днем и ночью, и горе тем девам, что угодили в их руки. Увидела Богиня, что ее возлюбленные создания творят такие беззакония, и заплакала. Горькие слезы ее упали в источник магии, и он иссяк. С тех пор волшебство на земле не прибывает. Теперь далеко не каждый человек рождается с магическими способностями. Цени свой дар, дитя мое, пусть он достался тебе не от рождения, а лишь во исполнение Закона Благодарности!

Не знаю, что повлияло больше — запах высушенных трав или знакомая с детства легенда, но глаза закрылись сами собой. Леэтель говорила что-то еще, но я уже не разбирала слов.

Лес утопал в тумане. Солнце уже встало, но его ослабевшие осенние лучи не могли сразу разогнать марево. Дрожа от утренней прохлады и влажности, я куталась в куцый плащ и быстро шла в чашу. Нужные лекарственные растения росли в самых заповедных местах. Селяне не осмеливались соваться туда, возлагая эту малоприятную и опасную миссию на меня.

Некоторые травы из списка Этель я уже нашла. Аир рос прямо на болоте недалеко от ее хижины, но старуха всегда отправляла за ним меня. Она любила приговаривать, что лечебные свойства открываются только тем, чьи намерения бескорыстны. Сама болотница, по ее словам, давно утратила чистоту помыслов. Моло-

чай попался мне в пролеске, а вот очанку пришлось поискать, но основные сложности были еще впереди. Крупными буквами в списке значился корень мандрагоры. Более редкого и прихотливого растения я никогда не встречала. Она росла только в одном месте, на поляне в самой чаще. В центре ее высился гигантский валун, исписанный странными символами. Деревья образовали вокруг камня ровный круг, казалось, они старались держаться на почтительном расстоянии. От этого места у меня по спине побежали мурашки. Близ валуна не росла даже трава, и единственным растением, которое могло вынести такое соседство, была мандрагора. Ее мелкие фиолетовые цветочки, похожие на звездочки, уже отцветали. Над землей торчали только лопухи листьев. Я выбрала десять крупных кустов и стала выкапывать их.

Хватило меня ненадолго. Когда я закончила с третьим кустом, силы иссякли, а желудок жалобно заурчал.

Отойдя к кромке деревьев, я уселась на землю, привалилась к стволу и достала из сумки фляжку с молоком, два ломтя хлеба и вареное яйцо. Несмотря на близость каменной глыбы, было приятно посидеть вот так с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Смачно откусив хлеба, я хлебнула из фляги и поперхнулась. В молоке плавал маленький комочек земли. Странно, как он туда попал? Вроде и землю с рук отряхнула, и о передник их для верности обтерла... Но я была не настолько брезглива, чтобы вылить драгоценный продукт. Обмотав горлышко фляги чистой тряпицей, я благополучно допила и вернулась к работе.

Ценные корни я завернула в ткань и сунула в узелок. Обратный путь был куда приятнее. Дымка рассеялась,

потеплело, а может, я просто разгорячилась, пока копала, но настроение заметно улучшилось.

Подходя к хижине, я насвистывала веселую мелодию, которую подхватила на прошлой ярмарке. Не то чтобы мне нравилось скопление народа, но в городке было интересно. Предвкушение завтрашнего праздника будоражило.

Мой приход возвестил знакомый звон колокольчика.

— Принесла? — с ходу спросила Этель.

Она с раннего утра не отходила от котла в очаге, варила зелья, притирания и мази. Я вытащила из узелка пучок лекарственных растений и потянулась к свертку с мандрагорой. Вдруг что-то ущипнуло меня за палец. От неожиданности я выронила узелок, но неприятные ощущения не прекратились. На ладони повисло какое-то существо, крошечными ручками вцепившись в палец. Я закричала и что есть мочи затрясла рукой.

— Эте-е-е-ель! Сними это с меня, сними!

Создание, похожее на маленького человечка со светло-зеленой кожей и волосами цвета воды в болоте, завопило в унисон со мной. Старуха подскочила и с силой дернула меня за свободную руку, которой я хотела было схватить орущее существо.

— Замолкни! Успокойся! — скомандовала она. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Это же альраун! Я искала ему подобных долгие годы, а ты случайно поймала.

Я послушно умолкла, а Леэтель осторожно погладила создание по крошечной головке. Оно затихло и уставилось на нас крупными глазами фиолетового цвета, точь-в-точь как соцветия мандрагоры.

— Эта особь еще совсем юная. А уж как в силу войдет, будет отличным фамильяром. — Болотница продолжала поглаживать зеленокожее создание и даже цокнула от восторга.

— Аль... кто? Кем-кем оно будет? Повезло?! С удовольствием отдам его тебе... — начала было я, но старуха в ответ зашлась каркающим смехом.

— Какая щедрость! Только вот не пойдет он ко мне.

Она явно сердилась на меня, хотя я никак не могла понять за что.

— Кто еще из вас кого поймал... Альраун станет твоим фамильяром, это же очевидно. Будет помогать по хозяйству да в колдовстве подсобит, а может, и околдовать кого поможет... — В устах Этель последняя часть фразы прозвучала кровожадно, как клекот хищной птицы.

Навостривший уши альраун ощерился, продемонстрировав ряд заостренных зубов, и нацелился куснуть старуху за руку, которой она все еще трепала его по макушке.

— ...если захочет, конечно, — выпалила болотница, отдергивая ладонь.

— Разве фамильяр — это не дух? Он ведь вроде в виде животного предстает, а это, — я покосилась на существо, — создание скорее на ребенка похоже. Раз уж ты так много о них знаешь, может, просветишь меня?

— И незачем ерничать и тяжело вздыхать. Еще раз говорю, альрауны очень редкие. Это первый, которого я вижу в жизни, а годков мне немало. В детстве бабка рассказывала, что такие крохи в стародавние времена на корнях каждой мандрагоры жили. Только погово-

ривали, что они счастье приносят, вот и началась на альраунов охота.

От слова «охота» меня передернуло. Болотница не обратила на это внимания и продолжала:

— Много тогда с обеих сторон душ загубили. В наше время альрауны — диковина...

— Чтоб люди этих существ извели — это я понимаю, а в обратную-то сторону что? Альрауны захватили ловцов за пальцы насмерть? — попыталась я пошутить, но вместо улыбки перехватила очередной хмурый взгляд.

— Эти малышки не так просты. Они умеют защищаться — проклинать своих мучителей. Когда их обиталище, корень мандрагоры, вырывают из земли, слышится стон. Это плачет альраун. Всякому услышавшему его предстоит умереть. Люди быстро сообразили, кого благодарить за преждевременную кончину, и стали использовать для добычи магических существ собак. Животных привязывали к растению, они выдерживали корень, и проклятие постигало собаку.

С каждым услышанным словом я ужасалась все сильнее, а к концу рассказа недоуменно переводила округлившиеся глаза со старухи на маленького монстра.

— Так это что же, я теперь умру из-за вот этого вот... — Я не смогла найти подходящего слова, вставившего бы всю злость к скалящемуся острозубой ухмылкой созданию. — И это ты называешь везением?

— Ну почему сразу умрешь? Ты крик слышала?

Я задумалась, припоминая события дня:

— Нет...

— А что-нибудь странное с тобой происходило? — допытывалась старлица.

— Страннее, чем сейчас?!

— До этого! Ты прекрасно понимаешь, о чем я, деточка, — процедила она ядовито.

— Ну... Я заметила, что дуб в этом году рано листву сбросил. Очанка только в пролеске растет, а раньше целая поляна была. А еще я землю в молоке нашла, хотя сама его наливала и не могла...

Болотница резко оборвала мой поток сознания:

— Ну-ка, ну-ка. Землю, говоришь? А ты что же? Неужто вылила?

Я насупилась:

— Голодная была, тряпкой горлышко фляги обмотала и допила. Чего еде пропадать?

— Вот тебе и разгадка, откуда альраун взялся. — Старуха неожиданно подмигнула.

Этот простой жест никак не вязался с ней, он был слишком... человечным. Обычно от Лезтель веяло холодом, а ее наигранная ласка только усугубляла впечатление. Впрочем, я никогда не осуждала ее за это. Неизвестно, какой стала бы я, если б жизнь подкинула мне такой же пирог с недозрелой калиной, какой выпал на ее долю. Несмотря ни на что, я благодарна ей за воспитание, знания, за магию. Только вот такие двусмысленности, как сейчас, не добавляли мне любви к старице.

— И-и-и?..

— Когда альраун решает перебраться на новое место, то выбирает себе человека. Наверное, его привлек твой тяжелый характер, ведь, судя по этой наглой зеленой мордочке, вы достойная пара. Так вот, альрауны испытывают избранника, подбрасывая в молоко ко-

мок земли или кизяка... О, я погляжу, ты и сама позеленела, ему под стать.

Меня слегка замутило от мысли о сушеном навозе в молоке. И я с долей благодарности взглянула на монстрика, пощадившего меня и подкинувшего во флягу всего лишь землю.

— Ты молоко выпила, вот малыш и остановил на тебе свой выбор. Теперь уж не отвяжешься, прогнать альрауна невозможно. Он будет следовать за тобой всю жизнь неотступно.

Мне показалось, что существо закивало, подтверждая последние слова болотницы. Да уж, не так я представляла себе сакраментальный момент обретения фамильяра. Хотелось призвать могучего духа или приручить дракона. Ну или в крайнем случае жабу, а может быть, ворона, лишь бы не кого-то вздорного и пушистого вроде хорька. Я подставила под ноги создания ладонь. Альраун отцепился, спрыгнул и благодушно погладил мой большой палец. Я наградила монстрика неуверенной улыбкой и, обреченно вздохнув, обратилась к старухе:

— Ну-у-у-у, а что может *такой* фамильяр?

— Талантов у альраунов не меньше, чем у других фамильяров, а может, и поболее будет. Уж очень они смышленные. От людей нахватается, возможно, и говорить начнет. К тому же оборотни они. Могут в кошку перекинуться или в тварь какую ползучую, а иные даже в ребенка. Он к тебе не в полной силе прибился, может, и совладаешь. Это ведь высший фамильяр. Был бы взрослым, неизвестно, кто из вас кому бы прислуживал. Хитрые они и непредсказуемые, — с оттенком зависти в голосе проговорила Этель. — Ну хватит

пустой болтовни. Не забыла еще, зачем в лес ходила, деточка? Дай-ка альрауну какое задание, а сама иди мне подсоби.

Болотница развернулась, подхватила мой узелок с травами и похромала к котлу.

— Раз уж мне от тебя не скрыться, потренируйся перекидываться в звериную форму. С зеленым человечком в кармане далеко не уйдешь, — обратилась я к фамильяру.

А тот только показал язык, соскочил на стол и умчался в сторону очага. Повезло так повезло...

В этой суматохе время пролетело быстро, за окном уже темнело. Я опомнилась и побрела помогать старухе, пока мой новоиспеченный нерадивый слуга уплетал остатки хлеба.

Глава 3

Я шла быстро, едва не срываясь на бег. Хотелось скорее попасть в город, развеяться. Ночью мне снился кошмар. Обрывки видения до сих пор всплывали в памяти. Ветер пробежал по ветвям деревьев и взметнул вихрь осенней листвы: золотой, медной, алой... Как языки пламени из кошмара. Мне привиделся дым и огонь. Все вокруг пылало! Я пыталась спастись, но не могла сдвинуться с места. Страх сковывал по рукам и ногам.

Шпили храма и сторожевой башни у городских ворот уже показались на горизонте, и я в который раз прибавила шагу, словно пытаюсь оставить позади ночной кошмар и всю суету последних дней.

Я шла по старой, давно заброшенной дороге. Просека заросла травой и молодым кустарником. Еще пара лет — и лес поглотит ее, стерев последние следы человека. Путников не было видно, и я позволила любопытному альрауну высунуться из сумки, болтавшейся через плечо. Создание уморительно тарасило фиолетовые глазищи и озиралось по сторонам. Еще бы, вчера его мир состоял из поляны с мандрагорами, потом расширился до хижины Леэтель, а теперь так много нового кругом. Невольно усмехнувшись, я заправила за ухо упрямо выбивающийся каштановый завиток волос.

— А знаешь, — обратилась я к фамильяру, — неплохо бы придумать тебе имя. Даже у домашних животных есть клички, а ты, если верить Этель, не глупее собаки или кошки.

Могу поклясться, что создание посмотрело на меня с осуждением!

— Поняла-поняла, ты умнее любого животного, — поддразнила я монстрика. — Может быть, Уна, ты же альраун? Или Вайолет — за цвет глаз?

Существо мрачно буравило меня взглядом. Решив, что клички пришлись не по вкусу, я стала перечислять подряд все приходящие на ум женские имена. Альраун насупился и поджал тонкие темно-зеленые губы.

— Ну, знаешь, тогда предлагай сама! Я больше не знаю имен, подходящих волшебным маленьким девочкам.

Я вскрикнула от неожиданности, когда монстрик куснул меня за руку, придерживавшую ремешок сумки.

— Ты что, ошалела, мелочь, или... Стой, так ты что, не девочка?

Я протянула покусанную руку к магическому созданию. Альраун проворно перелез на подставленную ладонь и задрал набедренную повязку из травы и листьев, ошибочно принятую мной за юбочку. Среди травинок торчал не то крошечный сучок, не то корешок. Густо покраснев, я прыснула от смеха, за что получила новый укус-щипок за палец.

— Так бы сразу и сказал. Может, назовем тебя Ал? Эль и Ал — вполне созвучно.

Упрямец гордо вздернул голову и фыркнул. Я не на шутку рассердилась: работаю для него тяговой силой, ношу туда-сюда, мир ему показываю, кормлю, в конце концов, а он мне сцены закатывает!

— Знаешь что, неожиданный подарок судьбы, валил бы ты, дар непрошенный... Вали, дар!

Существо с энтузиазмом закивало, я не сразу сообразила, а потом:

— О, Вальдар! — осенило меня. — Только вот сокращать все равно удобно до Ал. Или тебе просто хотелось длинное и заковыристое имя с претензией на родовое, как у знати? Ох, Ал, со временем ты поймешь, что весь этот пафос — пустой звук, но будь по-твоему. Рада с вами познакомиться, месьир Вальдар Мандрагорский.

Альраун приосанился, отвесил манерный поклон и заулыбался. Я начинала проникаться симпатией к этому маленькому своенравному созданию с зеленой кожей, наглой ухмылкой и отвратительным характером.

— Ал, пора прятаться. Мы подходим близко к воротам и скоро на пути могут появиться чужие. Запомни, показываться можно только мне и Леэтель. Если тебя заметят другие люди, то наше знакомство долго не продлится — меня схватят, а тебя прихлопнут.

Альраун нервно сглотнул и послушно запрыгнул в сумку. Как раз вовремя. Через мгновение из-за деревьев вынырнула груженная овощами телега, запряженная волом. Хмурый погонщик и сам напоминал вьючное животное: понурое лицо, рот подковой вниз и крупные глаза, как у телят, которые при виде меня стали холодными и безжизненными.

В деревне меня не любят, односельчане просто терпят мое присутствие. Они смирились со мной как с необходимостью. Удобно иметь поблизости знахаря, к которому можно обратиться за скромную плату, а потом перемыть ему косточки с соседями. Это ведь излюбленное развлечение в мелких поселениях, где все всё и обо всех знают. К тому же, когда есть тайна — что-то непонятное, — из этого можно состряпать целую легенду и для распускания слухов простор велик.

Настроение сразу покатило под откос ближайшего к дороге оврага, куда я зашвырнула огрызок кислого яблока-дичка, сорванного ранее. На ярмарке будет много односельчан, но все же в городе мне всегда нравилось. Там были свои белые вороны, а меня мало кто знал, легко будет затеряться в толпе и неплохо провести время, глаза на праздник. От этих размышлений я воспряла духом.

Городские ворота будут открыты всю неделю празднеств. В этом году в честь сбора урожая — Колосада — их даже украсили венками из колосков, осенних листьев и веток с алыми ягодами боярышника. Миновав караульную, я свободно вошла в город. Все дороги вели к центральной площади, там состоится ярмарка и основное действо. Именно туда я и держала путь.

— ...Да я тебе точно говорю — ведьма! Мне двоюродная сестра, из деревни у болота, все уши прожужжала про нее. Я ее даже с закрытыми глазами в толпе узнаю. Сестра говорит, она всегда ходит в коротком дражном плаще и с кучей каких-то мешочков на поясе. Тоже мне, красавица лесная, ишь, воображает о себе. Она...

Уловив обрывок разговора и поймав краем глаза неловкий кивок в свою сторону, я напряглась. Даже здесь моя слава меня опередила. Я мысленно выругалась. Обсуждали мою скромную особу три местные девицы. Две из них старательно делали вид, что рассматривают прилавок кондитера, нагруженный сладостями всех мастей. А третья, румяная дородная девка, пялилась на меня без зазрения совести. Во взгляде ее читалась явная неприязнь, хотя я была совершенно уверена, что мы видим друг друга впервые. Даже когда наши взгляды пересеклись, девица не отвела темных, густо подведенных глаз, похожих на мелкие арбузные семечки. Борясь с желанием отвести взор, я решила, что в гляделки точно не проиграю, напомнив себе, что это лишь первое испытание сегодняшнего дня. Моя злопыхательница в сарафане поросячьего цвета, со вздернутым носом-пяточком была удивительно похожа на свинью, и я невольно заулыбалась.

В потрепанной магической книге Этель, которую за эти годы я почти выучила наизусть, были такие указания для подобных случаев: «Сосредоточьтесь и, глядя прямо на противника, представьте, что он превращается в мышь. — На мелкого грызуна девица не походила, а вот хрюшка вышла бы знатная. — Не обязательно пытаться именно обратить его, достаточно лишь вообразить это».

Мне показалось, что у сплетницы на щеках начала проступать короткая светлая щетина, но в этот момент она заговорила, и видение рассеялось.

— Вот смотрите, смотрите, как она на меня устави-
лась, — округлив глазенки, выпалила девица.

Ее подруги подняли глаза от сладостей и тоже рискнули встретиться со мной взглядами. При виде их замешательства и испуга я заулыбалась еще шире, вложив в улыбку столько злонравности, сколько смогла изобразить. Вся троица разом побледнела.

— Точно ведьма! — выпалила девица с вытянутым козым лицом, тощая и бесцветная настолько, что казалось, будто она выползла из сундука с шерстяными вещами.

Сообразив, что сказала это вслух, она зажала рот жилистой ладошкой и резко попятилась, но наткнулась на подруг и повалилась на колени в грязь. Девицы метнулись ей на подмогу, но звонко стукнулись лбами и присоединились к первой на земле. Сдержаться было выше моих сил, и я захохотала в голос, отчего троица моментально растворилась в воздухе, только пятки засверкали.

Такое поведение было простительно суеверным селянкам, но от просвещенных городских девушек я ожидала большего. Танцующей походкой подойдя к лотку кондитера, я выбрала самое крупное и сочное яблоко в карамели. Эта трата не была запланированной, но нужно же как-то отметить свою маленькую победу.

Что ж, остаться незамеченной не вышло, но, может быть, слухи сыграют мне на руку? Всегда находятся желающие взглянуть на ярмарочные диковинки. Ста-

ну-ка я на сегодня такой невидалью, авось зеваки на радостях все снадобья раскупят.

На площади царили суета и толкотня, было шумно и многолюдно. Зато никто не обратил внимания, как в ближайшем переулке я из маленького заплечного мешка достала здоровенный лоток с многочисленными склянками. Этому фокусу Леэтель научила меня много лет назад. Именно с его помощью в крошечной хижине на болоте помещался ее дом с несколькими комнатами и кладовкой. Заклинание «Магический карман» очень удобное, но отнимает много сил, так что проще всего один раз наложить его на какой-то предмет, в моем случае — бездонный мешок.

С помощью ремешков я закрепила лоток на шее и вышла на площадь. Другие лотошники громогласно зазывали покупателей, но мне такие дешевые трюки не требовались. Достаточно было тихо прошептать под нос несколько волшебных слов, и все, кому нужны притирания, мази и отвары, сами начали подходить ко мне. Такая бытовая магия не нарушает баланс, ведь я действительно помогала нуждающимся.

За пару часов на рыночной площади запасы истощились, а сама я изрядно устала. Все-таки моим домом был лес, я привыкла к уединению, ярмарочный гам и пестрота быстро утомляли. Желудок предательски заурчал, и я тихо ретировалась все в тот же переулок, чтоб поесть и перевести дух.

Я рассеянно жевала полоску вяленого мяса, украдкой подсовывая кусочки в сумку, к великой радости альрауна, когда меня окликнул знакомый голос:

— Мариэль, это ты? Ты здесь?! — Ко мне подбежала худенькая растрепанная девушка, закутанная в объемную шаль.

Выдохнув с облегчением, что хватило ума не выпустить фамильяра из сумки, я присмотрелась к ней и ахнула, узнав свою единственную подругу. Несколько лет назад Нани вышла замуж и уехала из нашей деревни. С тех пор мы не виделись. Она была одной из немногих, по кому я скучала. Нани никогда не дразнила меня. В детстве мы даже играли вместе. Она не боялась, что ее поколотят за дружбу со мной, ей прощали любую прихоть. Белокурую красавицу Нани любили все без исключения. Когда после свадьбы она уехала, я почувствовала себя еще более одинокой и нелюди-мой, чем раньше.

— Нани?! — Я всматривалась в ее лицо, ища знакомые черты, но подруга очень переменилась. Словно прибавила за три года не меньше десятка лет. — Что случилось? Что с тобой?

Непривычно было видеть всегда цветущую, юную и прекрасную, как весна, девушку такой: исхудавшей, бледной и всклокоченной, будто мокрый птенец. Она удачно вышла замуж, по крайней мере с точки зрения всех в деревне. Я же терпеть не могла ее самовлюбленного, холеного муженька из зажиточной семьи. Он всегда издевался над теми, кто был слабее или беднее. Одной лишь Нани никогда от него не доставалось, и то только потому, что она была первой красавицей и ее с детства прочили ему в жены. Я аж зубами скрипнула. Неужели этот мерзавец довел бедняжку до такого состояния?!

— Только ты можешь мне помочь. Ты — моя последняя надежда... — Ее голос дрогнул, и Нани бросилась мне на шею, давась слезами.

Я всегда с трудом переносила такие явные проявления чувств, но обняла подругу. Бывают моменты, когда слова излишни. Они только выстраивают между близкими людьми незримую преграду. Поэтому иногда так важно уметь молчать. Одно прикосновение заменяет множество слов.

Мы несколько минут простояли обнявшись. Я поглаживала Нани по спине, слушая, как колотится ее сердце. Когда плечи подруги перестали сотрясаться от рыданий, я слегка отстранила несчастную и переспросила:

— Чем я могу помочь? Ты одна из немногих, кому я не смогу отказать ни в чем. Говори! — Последнее слово я произнесла мягко, но уверенно, вложив в него крупицу Силы, чтоб подруга перестала путаться и заикаться.

Нани послушно отодвинулась и произнесла:

— Моя дочурка больна. Она еще совсем маленькая, а уже пережила так много страданий и боли. Местные врачи разводят руками, а знахарей в городе найти непросто. Все норовят нажиться на нашей беде, берут деньги, но ничего не могут сделать для моей малютки. — Нани обреченно всхлипнула. — А я... я не могу смириться, не хочу ее отпускать. Помоги ей, Мариэль, я знаю, тебе одной это под силу.

— Веди, — коротко бросила я.

Улочки петляли и выгибались, как болотные твари на солнце. Мы уходили все дальше от центральной площади. Ремень от лотка со снадобьями больно впи-

вался в шею и начинал натирать, но убрать весь свой скарб в бездонный мешок на глазах у Нани я не могла. Слишком рискованно. Мы миновали еще несколько поворотов и вышли к небольшому двухэтажному дому. Он был аккуратным, свежевывкрашенным, но все равно не отвечал моим представлениям о сытой и обеспеченной городской жизни.

Войдя внутрь, подруга даже не стала разуваться, что было совершенно непохоже на чистюлю Нани из моего детства. Вокруг был жуткий беспорядок, смешавший все — от грязных тарелок и одежды до мыслей в ее белокурой головке.

На втором этаже в центре тесной комнатки стояла люлька. Она была с любовью украшена кружевами и лентами. Чувствовалось, ребенок желанный, но в воздухе витала безысходность — пахло горечью и лекарствами. Мне даже не нужно было смотреть на девочку, чтоб понять, что ее душу с миром живых почти ничего не связывает. Одна лишь мать удерживала ее из последних сил, потому-то Нани и состарилась в одночасье. Тяжело тащить на себе чужую жизнь, даже если это жизнь родного человека.

Я отважилась заглянуть в люльку. Малышка не плакала, не кричала, а просто смотрела на нас широко распахнутыми глазами. Она не стала сжимать в маленькой ладошке протянутый палец, а только тяжело, не по-детски вздохнула.

Уже третий раз за последнюю неделю мне приходилось принимать судьбоносные решения. И, скажем прямо, это давалось тяжело. Я дотронулось до пылающего в лихорадке крошечного лба девочки, и ответ пришел сам собой.

— Нани, мне потребуются теплая кипяченая вода, чистые полотенца и серебряная ложка. Обязательно серебряная!

Девушка метнулась к двери, ни о чем не переспрашивая. Я поморщилась от осознания того, что пришлось врать, но мне необходимо было срочно избавиться от подруги. Нелепая просьба даст немного времени.

Возблагодарив Великую Мать за то, что надоумила захватить на ярмарку несколько сильных зелий, я запустила руку в якобы пустой мешок и вытащила три пузырька и пару баночек. Я вылила в ротик девочки содержимое первой бутылочки, малышка поморщилась и стиснула губы. Я выругалась. Нельзя нарушать порядок, но отвары горькие, конечно, нужно было сообразить, что ребенок не захочет добровольно пить эту гадость. Скрепя сердце я зажала маленький курносый носик и по порядку влила в пациентку оставшиеся отвары. Девочка слабо захныкала, но это было скорее хорошим признаком.

Я только сейчас заметила, что альраун выбрался из сумки и приплясывает перед колыбелью, старательно привлекая мое внимание.

— Немедленно назад, — зашипела я, — тебя не хватало! И без того времени в обрез.

Не обращая внимания на протест фамильяра, я продолжила ритуал.

Над дочкой Нани зависла какая-то тень. Она была густой, непроницаемой и липкой. Кто же с такой силой возненавидел невинного ребенка? Неужели окружающие так завидовали красоте и удачливости ее матери, что прокляли малышку?! Даже дикие звери в лесной чаще не бывают так жестоки, как иные люди.

Я принялась растирать грудку девочки мазью, повторяя заученные слова заговора. Над руками заплясали знакомые искорки, точно блуждающие огоньки на болоте. Свет их сливался в пульсирующий золотистый шар. Сначала он не мог пробиться сквозь злополучную тень, но разрастался с каждым новым словом, вплетавшимся в канву заклинания. Тьма съежилась, поблекла и растворилась с тихим змеиным шипением. В воздухе запахло свежестью и травами, малышка успокоилась и прикрыла глазки. Дыхание ее стало ровным и размеренным. С трудом держась на ногах, я привалилась к стене как раз в тот момент, когда в комнату ворвалась Нани наперевес с тазом воды и полотенцами. Пришлось собраться с силами и изобразить традиционный процесс лечения. Вскоре жар окончательно спал, и девочка мирно заснула, свернувшись калачиком.

Я отошла от колыбели, освободив дорогу матери. Нани несмело приблизилась и несколько секунд напряженно всматривалась в просветлевшее личико дочурки.

— Эль, все будет хорошо? Недуг отступит? Скажи мне честно. — Девушка аккуратно дотронулась до лба ребенка и порывисто обернулась ко мне.

— Если ты будешь выполнять мои рекомендации, все наладится, даю слово! Ты знаешь, я верю в силу слова и не стану бросаться такими обещаниями.

Я отдала подруге несколько баночек с притираниями и мазями и бутылку с травяным отваром:

— Давай его дочке по одной серебряной ложечке три раза в день, только сначала смешай с медом или сиропом, лекарство горькое. И вот еще что. — Я покопалась в сумке и достала лазурный кристалл на кожа-

ном шнурке. — Этот амулет должен всегда быть рядом с девочкой. Положи его ей под подушку, а когда вырастет, пусть носит на груди, но только под одеждой. Запомнила?

Как ни неловко мне было говорить об этом едва обретшей надежду матери, но Закон Благодарности требовал неукоснительного соблюдения.

— Нани, прости, я понимаю всю тяжесть вашего положения в последнее время, но я вынуждена попросить плату...

Она было напряглась, но тут же повеселела:

— Я все что угодно отдам, лишь бы не прислушиваться каждый раз, подходя к колыбели, боясь, что дочка не дышит. Проси что пожелаешь! — Она ласково взяла меня за руки.

— Для начала неплохо бы пообедать. Мне еще торговать на площади до заката, а уж там сама оценивай мои труды. — Я вздохнула с облегчением, не увидев ни тени осуждения в ее глазах.

Нани накормила меня до отвала, а сама пошла проведать малышку и принести плату за врачевание. Я думала, что слышу быстрые шаги подруги, и очень удивилась, когда в столовую заглянул ее муж. Не думала, что он дома в разгар дня. Мужчина уставился на меня так, словно увидел за столом огнехвостую лисицу, мирно распивающую чай из украшенной мелкими цветами чашки. Он через всю комнату рванул к двери, даже не удостоив меня приветствием. Что ж, не очень-то и хотелось.

Легкой поступью по лестнице сбежала Нани со свертком в руках.

— Это за лечение доченьки, — она протянула мне увесистый кожаный кошель, — а это за талисман.

Нани развернула сверток, и я увидела изумрудное платье необычайной красоты. Его манжеты и лиф украшала затейливая серебряная вышивка, а полукорсет был из кожи тончайшей выделки. В дополнение к наряду подруга помахала передо мной витой серебряной маской, закрывавшей верхнюю половину лица.

— За деньги спасибо! Что до наряда... Платье просто потрясающее, но зачем оно мне, Нани? Я ведь не собираюсь в замок на бал. Ты забыла, я живу в деревне. В лес в таком одеянии не пойдешь... — растерялась я.

— Я заказала платье еще до болезни дочки, собиралась пойти в нем на карнавал. Но мой главный на сегодня праздник — ее выздоровление — не требует пышных одежд. Сходи ты, повеселись этим вечером за меня! Колосад здесь отмечают с размахом. Спорим, ты никогда не видела фейерверка и на танцах не бывала! К закату город украсят, зажгут костры. Будет музыка, веселье и угощение. Ночь праздника урожая — самая яркая в году.

Нани говорила с такой радостью и неподдельным восторгом, что я снова увидела в ней свою любимую подругу детства и просто не смогла отказаться от подарка.

Быстро вернувшись на рыночную площадь, я снова разложила товары на лотке, но торговля под вечер шла уже не так бойко. Народ спешил домой готовиться к полуночному празднеству.

Рассеянно вертя в руках сверток с подаренным Нани нарядом, я взвешивала все за и против. Знаю, мне не следует присоединяться к празднованию Колосада, Лезтель не одобрила бы такое поведение. От этой мысли мне еще сильнее захотелось пойти. Я от-

влеклась и не успела распродать весь товар за день, а значит, необходимо остаться до завтра. На деньги с ярмарки мы собирались прожить несколько месяцев. А нынешней выручки даже с учетом кошелька от Нани не хватит на весь срок. Да я просто обязана задержаться! А раз так... Словно ребенок, затеявший проказу, я с удовольствием представляла, как смогу повеселиться этой ночью. Нани была права, я никогда не бывала на таком крупном празднике. Даже издали наблюдать не доводилось, ведь я не задерживалась в городе дольше одного дня. Соблазн примерить чудесный наряд и покрасоваться в нем перед местными зазнавшимися девицами был слишком велик. К тому же благодаря маске я смогу затеряться в толпе и хоть раз в жизни почувствовать себя заодно с людьми, а не в одиночестве против целого света.

Я не успела до конца осознать происходящее, а решение уже было принято. Последние на сегодня баночки с мазями я продавала, приплясывая от нетерпения. Всего пара часов отделяла меня от Колосада — самого пышного и грандиозного праздника в году.

Украдкой пробравшись в привычную уже подворотню, я собиралась поесть, но кусок не лез в горло. Пришлось ограничиться несколькими глотками молока. Переодевшись в дареное платье и убрав свой незамысловатый наряд в бездонный мешок под возмущенное чириканье альрауна, я примерила маску. Любуясь своим отражением в натертой до блеска водосточной трубе, я стянула на затылке шелковые ленты, закрепив маску, и расправила волосы. Редкий случай, когда мне нравилось увиденное в зеркальной глади. Стоит отдать должное подруге, она знала толк в красивых нарядах.

Я шутиливо поклонилась отражению и рассмеялась своим же дурачествам.

Неподалеку слышались звуки музыки. Несмотря на стройные переливы, в мелодии было что-то первозданное и необузданное. Может быть, так казалось из-за барабанов, отбивающих четкий ритм. Мелодия отдавалась в каждом ударе сердца, звала за собой. Не обращая внимания на яростное сопротивление фамильяра, я запихнула его в сумку, настрого приказав не высовываться, и танцующей походкой направилась к площади.

Поразительно, но пока меня не было, все здесь успело преобразиться. Повсюду красовались венки и гирлянды из полевых цветов вперемешку с колосьями — символами праздника. Спohватившись, я аккуратно умыкнула из горшка в ближайшем окне несколько крупных цветков и вплела их в волосы. Всем участникам действия полагалось носить венки из лент и карнавальные маски, прикалывать свежие цветы к одежде и волосам. Утром, по окончании праздника, все эти украшения закапывают в землю, что знаменует конец лета и цветения и наступление осени. Мне нравился это обычай, близкий к природе и прославляющий волю Великой Матери.

В честь Колосада на площади развели четыре костра, по одному в каждой из сторон света. Люди водили хороводы вокруг огня и пели, звонкие голоса затопили площадь. Праздник начался. От костров вокруг стало жарко, как в самые теплые летние ночи. Я обрадовалась, что не стала портить наряд своим куцым плащом, все равно в нем не было нужды. Засмотревшись на веселящихся, я случайно врезалась в молодую пару,

но вместо привычного толчка в бок и ненавидящего взгляда они залились смехом, подхватили меня под руки и потянули за собой во всеобщую пляску. Никогда еще я не была так счастлива! Люди вокруг смеялись, пели и улыбались так, словно все мы были друзьями. Впереди целая ночь, наполненная радостью, музыкой и весельем.

Все вокруг разительно изменились. Несмотря на маску, я узнала по фигуре местного трактирщика. Еще утром дородный мужик был хмур и зол, а сейчас он бесплатно наливал всем желающим молодое вино — сладкое, душистое и щедро сдобренное пряностями. Народ все прибывал, но, несмотря на толчею, веселье только прибавлялось. Я плясала вместе со всеми и, наверное, совсем растворилась бы в происходящем, если бы из круга меня не выхватили сильные мужские руки. Вместо того чтобы по привычке пнуть нахала, опьяненная атмосферой праздника, я захихикала, как маленькая девочка. Поймавший меня юноша в маске с диковинными перьями улыбнулся и протянул руку, приглашая на танец. Тут-то и представился случай опробовать мой неумелый книксен. Мы оба рассмеялись и начали неловко переминаться с ноги на ногу друг против друга, а спустя всего одну мелодию уже в обнимку кружились по площади. Раньше мне не приходилось танцевать с кем-то в паре, но он так уверенно вел, что оставалось только стать податливой глиной в руках умелого гончара.

— Какая ты красивая! — наклонившись, шепнул он мне на ухо.

Правда, вокруг было так шумно, что я едва разобрала сказанное, но даже обрывка фразы хватило, чтоб

я покраснела. В его объятиях было так хорошо, словно мы знали друг друга всю жизнь. Было в юноше что-то родное, близкое, свое. Блики от костра играли на его золотистой коже, вспыхивали веселыми искорками в темных глазах. Мне показалось, что я на балу дебютанток и принц дарит мне первый танец. Щеки запыхали сильнее прежнего.

Звуки музыки стали нежнее, мелодия переменилась и теперь напоминала о весне, юности, радости и цветении. Несколько пар молодых людей вышли в центр площади, толпа зашумела, подбадривая нерешительных. Спутник подмигнул мне и поманил туда. Я без лишних раздумий позволила увлечь себя в круг.

Пары становились друг напротив друга — девушки лицом на юг, а парни на север — и брались за руки. С оглядкой на них мы повторили этот жест.

— На этот день и на этот год мы вместе! — повторили все хором.

— ...мы вместе, — услышала я собственный голос.

Весь мир сжался до этого места, этого мига. Юноша стоит напротив, смотрит на меня и ласково улыбается. Теплый ветер играет павлиньими перьями маски, треплет волосы, а я влюбленно наблюдаю за его жестом, исполненным удивительной грации. Он запрокидывает за ухо выбившуюся прядь, обнажая висок, и мне на глаза попадает аккуратный, недавно затянувшийся шрам.

Я мгновенно протрезвела. Так вот почему парень казался мне таким знакомым! Ведь я еще не забыла, не отделалась от его ауры. Отдернув руки и попятившись из круга, я что было сил рванула наутек. Не оборачиваться, главное — не оборачиваться!

Я брела по городу куда глаза глядят и ругала себя за беспечность. Как глупо было поддаться порыву и решиться на участие в этом фарсе. Еще утром многие из этих людей открыто терпеть друг друга не могли, а вечером возле костров на площади изображали такое единение и вселенское счастье, аж противно. А я, как наивная сельская дурочка, при первой же возможности побежала на праздник. Вино, красивое платье, танцы, парочки. Хотелось скорее смыть с себя липкое ощущение собственного промаха. Этель ведь предупреждала, она всегда отговаривала меня от лишнего общения. Все просто: сделал дело, получил плату, уходи. И почему мне вдруг показалось, что это правило не действует в ночь Колосада? Вдобавок ко всему половину вечера я провела рядом со спасенным богатеем, которого, с его точки зрения, обокрала. Не хватало только попасться «на горячем». Ноги вывели меня к реке, желание освежиться никуда не исчезло, но, подойдя поближе к берегу, я мгновенно передумала. И дело было не в холодной воде, а в том, что ее потоки несли мимо все городские стоки.

Под мостом обнаружилась на удивление чистая скамейка. Может быть, здесь встречались влюбленные, а может, жил тролль, но даже он отправился на праздник сегодня.

Я переделалась в свою обычную одежду, с досады скомкала дареный наряд и затолкала его в сумку, откуда тут же послышался возмущенный лепет альрауна. Монстрик вылез наружу, принялся расхаживать туда-сюда по скамейке и, судя по звукам, отчитывать меня.

— Ал, вот не надо, а? Без тебя тошно. — Я оперлась локтем о спинку скамьи и положила голову на скрещенные руки. — Ты ведь проголодался...

Я вытащила из мешка несколько кусков вяленого мяса, сыр и ломоть хлеба, разделила наш ужин и отдала фамильяру его половину.

— Ничего, передохнем здесь. А завтра настанет новый день и все это покажется сном.

Вдруг в ночи эхом прокатился гром. Я удивленно уставилась вверх, но на небе не было ни облачка. Грохот, нараставший со стороны площади, заставил нас обоих подпрыгнуть. Альраун в ужасе спрятался в сумку, забыв о недоеденном сыре. Стоял такой рокот, что я подумала было, что взорвались бочки с горючей смесью и весь город сейчас полыхнет, как сухостой от шальной искры. Но вместо зловещего зарева в небе расцвел огромный, мерцающий золотой цветок. Пока он таял, в воздух взмыли разноцветные снаряды, то тут, то там распускались причудливой формы снежинки, сотни звезд сорвались с небосвода и полетели вниз. Фейерверк! Я залюбовалась блестящими и переливающимися огоньками.

Завороженная красотой и романтичностью момента, вспоминала тепло объятий таинственного юноши. Я едва не добавила к его описанию «прекрасным», но вовремя стряхнула морок и скрылась под мостом.

Наспех подкрепившись скудными остатками снеди и кое-как устроившись на скамейке под плащом, я забылась сном без сновидений.

Следующее утро выдалось хмурым и дождливым, словно осень вступила в свои права, едва дождавшись завершения торжества. После бурного гуляния город

выглядел помятым, как сельский кузнец с попойки. От вчерашнего волшебства не осталось и следа. Большинство украшений были сорваны, а те, что остались, висели увядшими клочьями тут и там. Улицы утопали в мусоре, а неприбранная ярмарочная площадь после ночных костров напоминала пожарище и пахла так же. Редкие горожане, проходившие мимо, выглядели усталыми и заспанными. Даже не все лавочники вышли на работу — то ли догадывались, что торговля сегодня будет вялой, то ли сами еще валялись в постелях. Каждый первый, подходя к моему лотку, спрашивал средство от головной боли и похмелья или маялся животом. Видно, неожиданная щедрость трактирщика накануне объяснялась не хорошим расположением духа, а низкосортностью угощений — просроченной пищей, собранной из остатков, и непонятно из чего бодряженным вином. Мысленно я возблагодарила Богиню, что не позарилась на дармовые яства, и за то, что благодаря дешевому пойлу и маске никто не помнил о моих ночных похождениях.

Торговля разошлась только к полудню, на моем лотке и в мешке оставались только самые действенные, но и самые дорогостоящие мази и отвары. Больших надежд на их продажу я не возлагала и взяла с собой просто на всякий случай.

Я как раз заканчивала отсчитывать сдачу для хорошенькой румяной девицы, которая, судя по цветущему виду, во время вчерашней вакханалии спокойно спала дома, когда меня окликнули по имени. Звал начальник городской стражи, степенно подошедший в сопровождении двух высоких молодчиков. Я знала его, но искренне удивилась, что он знает меня.

— Добрый день, господин начальник! Светлого Колосада, да будет следующий год плодороднее нынешнего. Чем могу помочь? — вежливо и немного наигранно поприветствовала я чиновника.

— Ты очень поможешь, если проследишь с нами в караульню, не оказывая сопротивления, — отекал он.

— Что?! — Мысли лихорадочно заметались. Неужели я вчера, сама того не зная, нарушила какое-то правило праздника? Или спасенный богатеи так узнал меня и заявил о краже? — Можно узнать, на каком основании?

— Ты обвиняешься в колдовстве и будешь осуждена как ведьма, — нарочито громко произнес начальник стражи.

Разговоры вокруг мгновенно стихли. Все присутствующие на площади повернулись к нам. Я выронила опустевший лоток и попятилась, но, оценив обстановку, поняла — бежать некуда. У каждого выхода с площади стояли солдаты, даже если удастся растолкать народ, куда бежать? У меня опустились руки... Но лишь для того, чтоб сдернуть с плеч плащ. Я набросила его на головы начальника стражи и его подчиненных и метнулась в толпу. Народ в ужасе шарахнулся в стороны, но это лишь освободило мне путь для побега. Прыгнув и уцепившись за уличную вывеску булочника, я перемахнула через ближайшую стену, одновременно отстегивая ремешки бездонного мешка. Он со звоном упал на мостовую, и я на секунду пожалела о зельях, но они мешали мне бежать быстрее. Я припустилась по узким улочкам, сворачивая то влево, то вправо в надежде, что стражники потеряют след. Но позади упрямо слышал-

ся топот. Солдафоны знали город как свою пятерню, а мне оставалось сломя голову нестись наугад. Никто не ожидал побега, и это давало мне фору. Не успела я порадоваться, как со всего размаха вписалась в стену.

Уф! Могла бы и лицо разбить. Хорошо хоть, вовремя руки подставила. Ладони разодраны, колени разбиты. От таких ушибов никакая бадяга не поможет. А впрочем, она может мне уже не пригодиться... Тупик. Кругом были только стены, стены, стены, а позади — верная смерть.

В окне на втором этаже ближайшего дома маячила простынь — если схватиться за нее, я смогу оказаться на крыше. Я разбежалась и прыгнула вдоль стены, выставив руки вверх. Простынь натянулась, но выдержала. Оттолкнувшись от выступа, я полетела к крыше, но в этот момент что-то впилося в лодыжку. Я с размаху рухнула на черепицу, послышался хруст, а затем меня резко потянули вниз. Последним, что я успела увидеть, была группа стражников, один из которых держал в руках веревку. Меня заарканили как норовистую кобылу. Отчаянно закричав, я грохнулась на каменную кладку и утонула в блаженной темноте.

Я очнулась от холодных капель, стекающих на лицо. Попыталась отереться, но все тело отозвалось болью, а руки отказались подниматься. С трудом разлепив глаза, я силилась понять, где оказалась, но было слишком темно. Тяжело охнув, повернулась на бок, оценивая повреждения и обстановку. От моего движения о каменный пол звонко звякнула цепь, руки и ноги потянули вниз стальные кандалы. Я попробовала прочесть простейшее заклинание для освобождения и чуть не

взвыла с досады. Путы были не так просты — в сталь добавлен орихалк. Этот антимагический металл, открытый во время войны отступниц, не проводит Силу и не позволяет пользоваться волшебством. Я в ловушке!

Глаза постепенно привыкли, и я начала различать очертания своей темницы. С трудом подогнув под себя ноющие ноги, села. Подо мной неприятно зашуршала, а скорее захлюпала наполовину сгнившая солома. В темной камере ни единого окна, и я никак не могла сообразить, как долго нахожусь под замком. Судя по запаху, в углу был нужник, а точнее, просто дыра в полу. Тусклый свет просачивался только через решетку в верхней части двери, но это давало возможность составить хоть какое-то представление о том, где я очутилась.

Не без труда поднявшись, я доковыляла до двери, ошупала петли. К сожалению, единственными качественными и крепкими вещами здесь были мои наручники и дверь. Внизу, на проржавевшем подносе, подsunутом стражниками через специальное окошко, покоились ломоть плесневелого хлеба и чашка тухлой воды. На такое бы даже альраун не позарился.

— О Богиня! Вальдар! Ал, Ал? Где же ты, малыш? — Позабыв о страже, я в ужасе принялась озираться по сторонам.

Сумки, в которой сидел фамильяр, нигде не было. Да я же сама выбросила ее во время погони. Дура! Не только себя погубила, но и беззащитное существо обрекла на гибель. Я в отчаянии сползла по стене и обхватила голову руками. Все кончено, помощи ждать неоткуда.

— Обречена! — это слово гулко отдавалось в каждом ударе сердца.

Хорошо, что отец до этого не дожил. Он попытался бы выручить меня из беды и навлек бы ее на себя.

А ведь он оказался прав... Мы так часто ссорились из-за того, что я хотела стать травницей. Отец предостерегал не вставать на этот путь, пытался пристроить меня в подмастерья то к прачке, то к пекарю, даже к пьянице кузнецу, лишь бы я держалась подальше от скользкой дорожки. Лишь бы была в безопасности. Но ведь это было для меня слишком просто, слишком скучно. Я ведь казалась себе особенной, рожденной для великих свершений. И вот я в темнице и никогда уже не встречу свой двадцатый день рождения. Интересно, они меня повесят, утопят или четвертуют? С чего вообще этот солдафон решил, что я ведьма? Где я прокололась?!

— Прости, папа! Прости, что препиралась, спорила, сбегала от тебя. Ты был прав во всем, а я дура. Без пяти минут мертвая дура!

Я подтянула к себе ноги, уткнулась лицом в колени и зарыдала горько и безутешно. Оплакивая разом всех: и себя, и отца, и оставшуюся в одиночестве в лесу древнюю старуху Лезтель, и моего маленького глупого фамильяра.

Не знаю, сколько времени прошло... Слезы высохли. Я заставила себя собраться и успокоиться. Пить прогорклую воду не хотелось. Если продолжу плакать, обезвоживание наступит еще быстрее, и тогда я уж точно не боец. Не знаю, к какой казни меня приговорят — зависит от того, с чего они взяли, что я колдунья. Но раз уж обвинили в ведовстве, исход один — смерть. Ведьм уничтожали без суда и следствия, а ведь многих обвиняли ложно. Самый простой способ избавиться

от соперницы — это донос о том, что она ведьма. Если о девушке ходила недобрая молва, а в деревне случались бедствия вроде гибели посевов и падежа скота, этого хватало для смертельного приговора.

Я всегда балансировала на грани, но так как на моем счету было только лечение односельчан, казалось, все это просто не может коснуться меня.

Поздно сокрушаться! Нужно постараться не тратить попусту силы, отдыхать и приходить в себя.

«Если только выпадет шанс сбежать... — Но я быстро отмела такую возможность. — Стражники не упустят случая лишней раз устроить представление для горожан в неделю Колосада».

В традициях праздника урожая не было публичной казни, но такие «развлечения» всегда пользовались успехом у зевак. Когда еще представится случай поглазеть на такое? Город еще долго будет гудеть от слухов, а моя история обрастет подробностями вроде того, что я голышом летала на метле над праздничными кострами и вместо вяленого мяса закусывала младенцами.

Прохлюпав по влажной соломе подальше от двери, из-под которой тянуло холодом и сыростью подземелья, я приземлилась на подстилку у противоположной стены. Тишину не нарушало ничто, кроме капающей с потолка воды. Если в темнице и были другие камеры, они либо пустовали, либо заключенные уже смирились с судьбой и сидели молча. Завороженная мерным стуком капель, я погрузилась в тягостные раздумья. Вдруг из-за двери послышался какой-то чавкающий звук, причем шаги его не предварили. Я прищурилась и увидела, как через решетку проскользнуло длинное червеобразное тело. Неведомое существо гулко шлеп-

нулось о каменную кладку и, извиваясь, поползло ко мне. Я заорала что есть мочи.

Только не змея, только не змея! Впрочем, и гигантская сколопендра меня бы не порадовала. Резко вскочив и, несмотря на боль в лодыжке, встав на цыпочки, я крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, ничего не обнаружила.

— Неужто привиделось? — вслух спросила я сама себя.

Но тут что-то легонько дернуло за подол юбки. Борясь с ужасом, я опустила глаза и увидела... Вальдара. Ловко цепляясь за ткань маленькими ручонками, он быстро карабкался вверх. Я подхватила фамильяра и аккуратно прижала к себе. Он ласково прильнул к моей щеке и защебетал на своем языке.

— Спасибо, что нашел меня, Ал! Как я рада, что с тобой все в порядке. Значит, Лезтель не придумывала насчет твоих способностей перевертыша? И про легендарную верность альрауна старуха правду говорила. Ты действительно будешь со мной до самой смерти? — Монстрик энергично закивал. — Боюсь, до нашей разлуки осталось недолго.

Малыш нахмурился и заходил туда-сюда по вытянутой руке. Казалось, он выдумывает какой-то коварный план. Но разве такому крохе под силу вытащить из передраги большую и глупую ведьму? А впрочем...

— Ал, чтоб выбраться, мне нужны ключи от камеры. Они наверняка у начальника стражи. Ты сможешь найти его? По моим подсчетам, казнь назначат на утро. У нас мало времени.

Фамильяр остановился и оценивающе посмотрел на меня, чуть наклонив голову. С минуту он обдумыв-

вал мои слова. Затем, заглянув мне в глаза, медленно моргнул, что я истолковала как согласие на выполнение задания.

Вальдар проворно спрыгнул вниз на горку соломы, которую я подгрребла под себя вместо подушки, и метнулся к двери. Очертания его тельца на глазах теряли четкость, и вот уже червеобразное создание скользнуло между прутьями решетки. Я подбежала к двери, подтянулась вверх и выглянула в темноту коридора. Но вместо ползучей твари к едва освещенной тусклым факелом лестнице грациозно вышагивал крупный кот. Ай да альраун!

Потянулись долгие часы ожидания. То есть на самом деле я понятия не имела, сколько прошло времени, но оно длилось бесконечно. Снаружи все было без изменений, ни соседей по камерам, ни стражников не было слышно. Скорее всего, начальник испугался, что я, даже закованная в стальные кандалы с примесью орихалка, смогу перехитрить или зачаровать его недалеких подчиненных.

От размышлений меня отвлекло доносившееся с лестницы позвякивание.

Кто? Стражник или альраун?

Я чуть было не застонала от нетерпения, но вместо кожаных сапог на ступенях показались мягкие лапки. В этот момент я открестилась от мнения, что из кошек, тьфу, из альраунов не выйдет хороших фамильяров.

Кот с висящей на шее алой лентой с перевязью ключей весело семенил к двери. Пушистый хитрец остановился перед самым входом и сбросил ключи напротив нижнего лючка, через который заключенным подавали еду. Я присела и вытянула руку, пытаясь до-